

Лукомский Георгий Крескентьевич

**Прогулки по старым кварталам
Парижа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г36

Г36 **Георгий Крескентьевич Л.**
Прогулки по старым кварталам Парижа / Лукомский Георгий Крескентьевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 146 с.

ISBN 978-5-519-94063-4

ISBN 978-5-519-94063-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Недавно я пережилъ вповь одно изъ увлеченій моей юности: я заглянулъ въ старинные кварталы Парижа; съ ними связывали меня многія воспоминанія.

Казалось, такъ сладостно: ощутить снова атмосферу, насыщенную исторіей; погрузиться въ туманъ, обволакивающій острокопечныя крыши высокихъ домовъ, съ ихъ фронтонами и башнями, любоваться „*ratine*“, покрывающей порталы, вывѣски, фонтаны; увидѣть прекрасные особняки, высокія, заросшія плющемъ, ограды, позеленѣвшія статуи, затѣйливый боскетъ, таинственныя изображенія на гербѣ, священную Мадонну въ нишѣ...

Съ трепетомъ я приближался къ любимымъ кварталамъ. Вотъ и старые знакомые: *Saint-Merry*, *Musée Carnavalet*, *Place des Vosges*.

Однако я не могу отыскать многихъ построекъ.

Неужели десять лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ

поръ, какъ я, влюбленный въ парижскую старину бродилъ, изучая ее, изгладили многое въ моей памяти и я забылъ расположеніе улицъ, мѣстопахожденіе отдѣльныхъ зданій?

Справляюсь въ книжкѣ Marquis de Rochegude, свѣряюсь со своими записками, снова ищу, ищу, возбужденный закрадывающимися подозрѣніями, — ищу, убѣжденный въ своей забывчивости и — съ ужасомъ вижу, что не только отдѣльные порталы, каріатиды, башни, не только прекрасные дворцы и пышные особняки, но цѣлыя нагроможденія домовъ, огромные куски кварталовъ, съ ихъ вросшими другъ въ друга, крышами, пугающими трубами, ажурными рѣшетками, увитыми плющемъ балконами — исчезли навсегда! Впрочемъ, не совсѣмъ безслѣдно. На мѣстахъ особенно значительныхъ разрушеній, освободившихъ много цѣнныхъ метровъ площади земли — поставлены высокіе заборы; они залѣплены плакатами о „Dubonnet“, „Saint-Raphael“, „Lu-Lu“ и прочихъ явствахъ буржуазнаго стола, или въ лучшемъ случаѣ афишами Chéret, Léandre, или Abel Faivre...

Сосѣдніе дома, обнажившіе свои, уютно, цѣлыя столѣтія, примыкавшія къ погибшимъ зданіямъ, стѣны — теперь, подперты лѣсомъ балокъ, напоминающимъ о примитивнѣйшихъ конструкцияхъ.

Выхватченъ, состоящій сплошь изъ старинныхъ домовъ кварталъ, образуемый улицами Taillepain и Brismiche. Спасенъ весь уголъ rue de la Vergerie и du Renard; исчезло все чудесное сцѣпленіе домовъ на углу улицъ des Francs Bourgeois и Vieille-du-Temple, обезображенъ, приспособленіемъ подъ электри-

ческую станцію, прекрасный Hôtel, на улицѣ Sévigné; загроможденъ ящиками, досками и мебелью скрытый отъ глазъ не только любопытствующихъ, но и ученыхъ, второй дворъ Hôtel Amelot-de-Bizeuil...

Не въ лучшемъ состояніи и близкій къ окончательному разрушенію Hôtel, на улицѣ Cardinal Lemoine. Исчезли нѣкоторыя своеобразныя и милыя украшенія частныхъ домовъ, не досчитаться многихъ вывѣсокъ, рѣзныхъ дверей и обрамленій.

Конечно, сравнительно съ другими городами, Парижъ, — городъ консервативный. „Казалось бы“ — говоритъ Александръ Бепуа въ одной изъ своихъ прекрасныхъ статей, — „послѣ всѣхъ войнъ, осадъ, баррикадъ, революцій отъ стараго Парижа не должно бы оставаться и камня на камнѣ; однако, не говоря уже объ отдѣльныхъ великолѣпныхъ зданіяхъ, хранять которыя и гордиться которыми умѣютъ (не то, что мы) французы, въ Парижѣ нѣкоторые кварталы стоятъ столѣтія безъ измѣненія, а для квартала Saint-Séverin все еще продолжается XV вѣкъ и его красивыя окна робко поглядываютъ на темную мостовую, точно все еще ожидая, что на нихъ появится палачъ короля или ковыляющая стая страшныхъ бродягъ“.

Конечно, „гуляя по Margaïs, видишь Парижъ времени Генриха IV и Людовика XIII; пойдешь въ наше посольство, rue de Grenelle — вступаешь въ цѣлый особенный городъ времени Людовика XIV и Людовика XV“; правда, „кварталъ, вокругъ церкви Saint-Séverin, мало въ чемъ измѣнился со временъ Карла VII и Людовика XI, и кромѣ того, на каж-

домъ шагу встрѣчаешь аристократическіе особняки XVIII вѣка, плоскіе фасады съ типичными ставнями временъ Наполеона I, тамъ и здѣсь торчащіе еще пузатые, кривые, съ остроконечными вышками, дома, которые, вѣроятно, видѣли Карла V и даже Людовика Святого. И все это, вдобавокъ, окружено культомъ, обожающихъ въ буквальномъ смыслѣ слова Парижъ, окружающихъ его патриархальную древность прямо сыновимъ почетомъ“...

Но много ли такихъ истинныхъ сыновей Парижа? И что въ состояніи сдѣлать всѣ эти „общества друзей Парижской старины“, издающіе фоліанты и путеводители, когда, вокругъ, — всѣ ужасы безвкусіи, vlastныя требованія прогресса, заманчивыя предложенія коммерціи и пугающія угрозы врачей-гигиенистовъ?

И, на лицо, — разрушенія, несмотря на всю увѣщательную и просвѣтительную работу общества любителей парижской старины! Вандализмы, — несмотря на художественно-культурное вліяніе, которое несомнѣнно долженъ распространять, помѣстившійся въ самомъ центрѣ „Старого Парижа“ Musée Carnavalet! Возмутительная небрежность, — несмотря на присущее, даже низшимъ классамъ населенія сознаніе цѣнности, окружающаго ихъ достоянія!

Это отсутствіе любви къ родной старинѣ, это признаніе, не подогрѣваемое однако, ни увѣсидами, дорогими фоліантами, посвященными Vieux Paris, ни популярными cartes postales, — и характеризуетъ наше время, и губительно для сохраненія старины. Благо-

родны вкусы къ мишувшей красотѣ — только въ очень узкихъ кругахъ. Желанія массы, любящей мелодрамы въ „cinéma“ и наряды отъ „Samaritaine“ — непреоборимы, до тѣхъ поръ пока лучшіе сыны этой самой безвкусной толпы будутъ стоять во главѣ правительства и находятся среди хозяевъ города.

Но нельзя виѣдрять вкусы и охранительными законами.

Только коренное измѣненіе этихъ вкусовъ могло бы обезпечить безопасность уцѣлѣвшимъ остаткамъ исторіи и искусства. Безсильны будутъ лучшіе законы, не достигнуть цѣли строжайшія мѣры, — особенно въ Парижѣ, — пока, охраняемая только людьми науки, частновладѣльческая старина, крайне мало доступная для ея изученія, будетъ находится въ этихъ законахъ.

Владѣтели лучшихъ особняковъ, способные разрушить все свое цѣлнѣйшее имущество, въ погонѣ за нѣкоторымъ комфортомъ, или изъ необходимости слѣдовать модѣ, уродующіе прелестьныя детали устройствомъ новыхъ террасъ, сдающіе подъ склады мебели украшенныя нѣжной лѣпкой *interieur's* ненужныхъ, принадлежащихъ имъ въ „Magaïs“, домовъ, — одновременно готовы поставить всѣ препятствія заѣзжему художнику въ его желаніи изучить, или только осмотрѣть ихъ достояніе (совершенно запрещенъ входъ въ Hôtel Amelot de Bizeuil, въ Hôtel Beauvais).

Мои тетради были полны набросковъ и замѣтокъ о парижской старинѣ. Многое изъ зарисованнаго на моихъ этюдахъ, и закрѣпленнаго въ эскизахъ — уже не существуетъ! Мнѣ казалось, поэтому, что я былъ обязанъ присоединить и свою работу къ общему усилію борющихся за сохраненіе историческихъ памятниковъ искусства, опубликоваиіемъ этихъ строкъ.

Надѣюсь и на то, что, если не на мѣстѣ, гдѣ многіе ученые и знатоки, не разъ, (впрочемъ, часто безплодно!) прилагали всѣ старанія для предотвращенія разрушеній, то, у себя, на родинѣ, и л л ю с т р а ц і е й этого примѣра — я смогу вызвать вниманіе читателя къ нѣкоторымъ нашимъ вандализмамъ.

Не претендуя на всеисчерпывающую полноту обзора старины Парижа, я предпочелъ остановиться подробнѣе на тѣхъ страницахъ ея исторіи, которыя сравнительно менѣе извѣстны русскому читателю и путешественнику, ограничивающемуся, обыкновенно, лишь осмотромъ „официальнаго“ Парижа.

Nôtre-Dame, Musée du Louvre, Musée Cluny, крупнѣйшіе площади и монументы — вотъ обыденная программа осмотровъ не только русскаго туриста, но подчасъ и проживающаго здѣсь мѣсяды и даже годы.

Въ кварталы правой стороны Сены, идущіе за Hôtel-de-Ville, вглубь отъ улицъ Saint-Antoine и Saint Martin рѣдко вступаетъ даже любитель прекраснаго, ограничивающійся изученіемъ искусства въ библіотекахъ, музеяхъ и на выставкахъ. Однако изученіе художественнаго быта, эстетики той атмосферы, въ которой зарождалось и пышно расцвѣтало все пре-

красное Парижа XVI, XVII, XVIII вѣковъ, возможно и въ этихъ кварталахъ, упорно хранящихъ до сихъ поръ ту живую и искусства миновавшихъ вѣковъ, которая не можетъ быть перенесена ни въ какіе musées: Cluny, des Arts décoratifs, Trocadéro.

Наконецъ, помимо того, что памятники архитектурной старины Парижа могутъ быть разсматриваемы съ исторической, археологической и архитектурно-художественной стороны, почти всегда можно выискать въ нихъ и особенную, интимную, характерную интересность: не красоту, правильную и гармоническую, — а красоту, утонченную и своеобразную, которая заложена въ какомъ-либо уголкѣ зданія, въ массѣ построекъ, или въ ихъ сочетаніи.

Выискиваніе такой красоты, заложенной иногда въ самой простой черепичатой мансардѣ рабочаго, украшенной трельяжемъ, увитымъ плющемъ, любованіе такою красотой и составляло, собственно, то главное наслажденіе, которое помогло мнѣ видѣть многое, что равнодушно миновала толпа, оживить жизнью тѣ эпохи, наполнить содержаніемъ или образностью тѣ формы, сліянія или контрасты ихъ, которые инымъ не давали никакого впечатлѣнія.

Поэтому, не оффиціальная красота парижскихъ зданій, извѣстныхъ и образцовыхъ, не Luxembourg, Hôtel des Invalides или Saint-Sulpice, а постройки мало посѣщаемыя, но окруженныя жизнью эпохи — сильнѣе побуждали меня проникнуться ихъ прелестью. Незначительные, на первый взглядъ, памятники, при изученіи исторіи ихъ возникновенія, обра-

зовапія и разрушенія, становились дороже общепризнашыхъ или зарегистрированныхъ. Время — большой художникъ, — кладетъ на вещи свою „patіne“, и дѣлаетъ многое живописнымъ.

Виѣ всякихъ закоповъ о строительствѣ, архитектурно-прекраснымъ ставовится многое, созданное даже пе руками человекѣ: послушно вьющіяся гирлянды темнаго плюща, нагроможденія крышъ и трубъ.

„Старый Парижъ“, именно, полонъ этой интимной красотью, обилеиъ матеріаломъ для живописующихъ пейзажъ города.

Но „Старый Парижъ“ — и бывое средоточіе всей исторической жизни: резиденція короля, его приближенныхъ, аристократіи, потомъ буржуазіи. Въ „Старомъ Парижѣ“ мѣнялся строй все й страны. Здѣсь же былъ и театръ дѣйствій революціи.

Не связывая себя, въ изложеніи своихъ впечатлѣній порядкомъ хронологіи, топографіи или исторіи, я намѣренъ передать лишь тѣ свѣдѣнія, которыя получалъ, осматривая Парижъ и подѣляться тѣми мыслями и чувствами, которыя возникали во мнѣ во время моихъ частыхъ прогулокъ по старымъ кварталамъ.

Очень хочу, чтобы книга эта побудила моего читателя хотя бы къ мысленнымъ прогулкамъ по старому Парижу... Но чтобы она могла оказаться и не бесполезной, при осмотрахъ на мѣстѣ, я присоединилъ къ ней краткій указатель, наиболѣе, на мой взглядъ, примѣчательныхъ въ историческомъ или художественномъ отношеніи, построекъ и деталей.

Перепосаясь сравненіемъ, изъ центра европейской жизни, изъ очага мірового искусства, въ отдаленныя отъ нашихъ прогулокъ мѣста, вспоминая о разбросанныхъ по обширной равнинѣ, то засыпанныхъ сугробами снѣгу, то погруженныхъ въ море зелени вольпо разросшихся старыхъ парковъ, — усадьбахъ, вызывая въ воображеніи образы милыхъ сердцу благовѣстныхъ монастырей, ихъ бѣлыхъ стѣнъ, возвышающихся на крутыхъ берегахъ многоводныхъ рѣкъ, завораживая себя тихой поэзіей и прелестью нашего архитектурнаго строительства прошлаго, не забудемъ и гибнущихъ въ захолустѣ, покинутыхъ на произволъ судьбы, нашихъ провинціальныя храмовъ и дворцовъ.

Задумчивый Батурипскій дворецъ въ своемъ уединеніи на высокомъ берегу Сейма, величіемъ своей мощной колоннады, всей прелестью своего зодчества — не менѣе великолѣпенъ, нежели лучшія строенія Парижа!

Его памяти посвящаю эти строки: на пользу ему пусть послужатъ мои парижскія „прогулки“.

Въ началѣ XVII вѣка „Старый Парижъ“ составляли четыре квартала: „Temple“, „Marais“ и „Saint — Antoine“, „Saint — Paul“ и „Saint — Avoye“, населенные аристократіей и буржуазіей.

Cité, въ противоположность тому значенію, которое ему обыкновенно придается, вовсе не играло въ жизни Парижа роли, выпавшей на долю кварталовъ, въ которыхъ протекала интимная жизнь королей и селились его приближенные. Застройка этихъ частей Парижа началась сразу; первые Chateaux-forts были окружены высокими стѣнами, охватывавшими флигеля, торговые помѣщенія, сады съ боскетами, и всѣ службы, необходимыя для каждого изъ этихъ отдѣльныхъ городковъ. Благодаря такой обособленности консерватизмъ вкусовъ и привычекъ обитателей quartier du Temple былъ долговѣчнымъ. Большая часть этого Парижа была раздроблена на такіа „Seigneuries“ еще въ XIV вѣкѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, сохранились до времени револю-